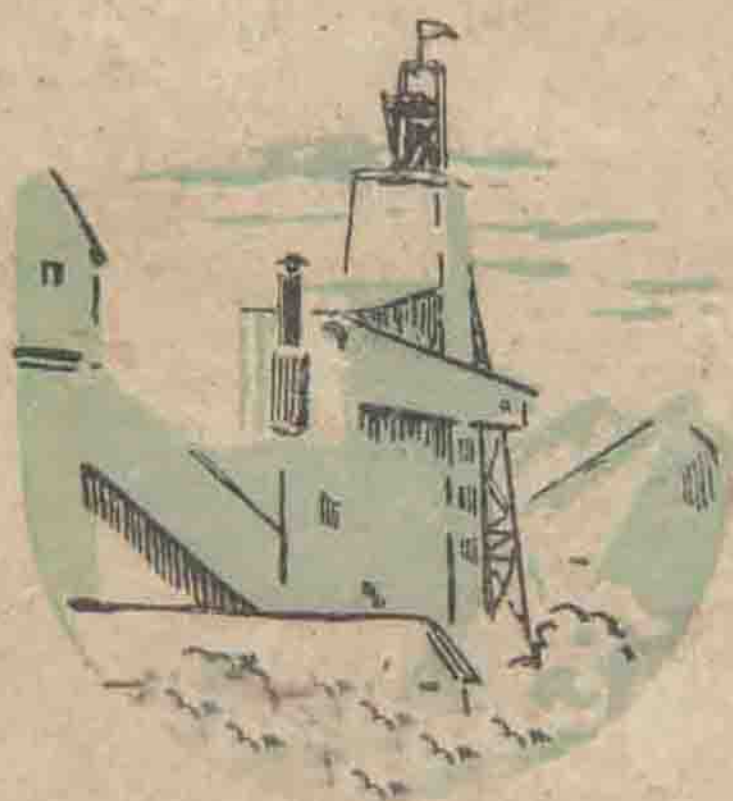

ДМИТРО ТКАЧ

ПЛЕМЯ СИЛЬНЫХ

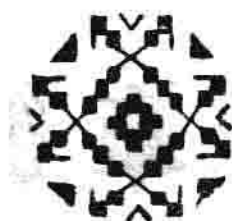
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

ДМИТРО ТКАЧ

ПЛЕМЯ СИЛЬНЫХ

ПОВЕСТЬ

*Авторизованный перевод
с украинского*

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1 9 4 9

I

Все утро измученная боями земля тяжело стонала и гудела от взрывов. Черный едкий дым плыл над конусообразными насыпями и домиками горняков. Надрывно урчали танки.

И вдруг наступила тишина.

Сдерживая дыхание, Мария Степановна выглянула в окно: возле забора, на погребке, за сараем лежали люди в белых маскировочных халатах. Женщина поняла: бой, начавшийся с рассветом на другом конце города, закончился победой. Наши выбили немцев из города.

Мария Степановна выбежала во двор. Дверь скрипнула, и один из лежавших оглянулся. Под белым маскировочным халатом Мария Степановна увидела красную звездочку. Не раздумывая, пошла она вперед, подталкиваемая какой-то странной силой. Глаза застелил влажный туман.

— Мать, куда идешь? Убьет!

Это крикнул тот самый боец, которого Мария Степановна увидела первым. Он строго посмотрел на нее, но она не испугалась. Радость охватила все ее существо. Теперь она ничего не боялась. Она дождалась освободителей.

— Люди! Людоньки! Пришли, пришли наши! Ой, родные ж мои!..

Глотая слезы, плача и смеясь одновременно, она кинулась к сараю. Разгребла руками солому на полу и, обламывая ногти, оторвала тяжелые заплесневевшие доски. У ее ног образовалась черная узкая дыра. Женщина склонилась над ней.

— Надя, выходи. Наши уже на руднике!

В погребе послышался шум, скрип лестничных перекладин, и из темноты показалось худое девичье лицо.

— Мама, вы сами видели?

— Сама, доченька, сама. Своими глазами. Выходи скорее.

Надя вылезла из ямы. Над головой раскинулось удивительно голубое небо. Слепящее солнце отражалось на твердом от мороза снегу. Вокруг было столько яркого света, чистого морозного воздуха, что Надя невольно прикрыла глаза рукой. Голова закружилась, и девушка прильнула к плечу матери.

В это время на пороге дома показалась еще девушка, тоненькая, светловолосая, с бескровным лицом.

— Мария Степановна... Надя! — сказала она дрожащим тихим голосом. — Почему вы мне ничего не говорите?

— Ой, детка моя! — испуганно откликнулась Мария Степановна. — Зачем же ты вышла?

Она подбежала к девушке, схватила ее за плечи и нежно повела в дом. Но девушка остановилась, посмотрела Марии Степановне в глаза и спросила:

— Наши пришли? .. Правда?

— Пришли, Клавонька, пришли. Идем, доченька, в хату, тебе нельзя быть на таком холоде. . .

— Нет, в хату я не пойду. Дайте мне пальто, мы пойдем с Надей в город.

— Что ты, бог с тобой! — замахала руками женщина. — Едва на ногах держишься. Что это ты выдумала?

— Идем, идем, Клава! — обрадовалась Надя. — Там, наверно, такое делается! ..

Взявшись за руки, девушки перебрались через вырытый немцами окоп, обогнули кучу кирпича и железа и вышли на длинную Украинскую улицу, что вела вдоль реки Саксагань почти к самому центру Кривого Рога. Их лица покраснелись от быстрой ходьбы, глаза блестели от возбуждения.

Они были почти ровесницы. Наде шел двадцать первый год, а Клаве — двадцатый. С детства они жили по соседству, вместе поступили в школу, вместе переходили из класса в класс, вместе закончили десятилетку.

Крепкая и сильная Надя мечтала о профессии горного инженера, а Клава собиралась поступить в педагогический институт и стать преподавателем естествознания.

Но война и оккупация разрушили их планы. Девушки вынуждены были прятаться от немцев.

Долгие месяцы Клава не выходила из своего тайника, но однажды не выдержала и пошла к подруге. Перебегая через улицу, она услышала страшное слово: «Хальт!» Словно окаменев, девушка глядела на подходивших к ней двух немцев. Ее схватили и бросили в стоявшую на углу машину. Клава билась в сильных руках, кусалась, царапалась, но напрасно! Машина дернулась и помчалась по улице.

Мать Клавы побежала за машиной, но скоро упала, обессилив, в отчаянии разорвала на груди сорочку и закричала:

— Помогите, люди добрые!

Испуганные лица выглядывали из окон... Но кто мог ей помочь? Ведь это происходило ежедневно. Немцы ловили молодежь и, не дав даже попрощаться с родными, высылали в Германию.

Однако Клаву недолго везли в машине. Она не успокаивалась, не затихала ни на минуту, кричала, кусалась, извивалась всем телом, плевала врагам в лицо. Казалось, она сошла с ума. Возможно, это и спасло ее.

Немцы сбросили девушку в старый карьер.

Она пришла в себя ночью от холода. В темноте можно было добраться до дома и на долгие месяцы скрыться в подвале, вырытом под кроватью и прикрытом досками. Но у Клавы не было сил встать на ноги. Она поползла до какой-то пещеры и спряталась в ней, — там и лежала двое суток, оторванная от всего мира,

и только на третью ночь тихо постучала в окно родного дома.

За три дня мать так поседела, что ее трудно было узнать. Она молча смотрела в лицо дочери, гладила жесткими ладонями ее окровавленные щеки.

И снова опустилась крышка погреба над головой Клавы, но ненадолго. Девушка начала кашлять и худеть с каждым днем. Тогда она вышла из своего убежища — будь, что будет! — и легла в хате не скрываясь. А тут и мать свалилась. Подкошенная всем пережитым, она болела недолго...

Увидев мать мертвой, Клава несколько часов лежала, невидящими глазами глядя в потолок. Случайно зашла соседка, Мария Степановна. Собрала женщин. Старуху тихо похоронили недалеко от хаты. Но как же оставить больную девушку? Кто присмотрит за ней, кто накормит, кто протопит хату? И Мария Степановна сказала:

— Идем, Клавочка, ко мне. Как-нибудь проживем. А там вернутся наши, и Тарас, может, домой придет...

Тарас и Клава подружились еще детьми. Мария Степановна была рада этой дружбе и, что греха таить, лелеяла надежду: «Будет Клавочка хорошей невесткой...»

Так оказалась Клава в доме Марии Степановны. Девушка не могла ничем помочь в хозяйстве, наоборот — нужно было о ней заботиться. И соседка стала для Клавы такой же доброй матерью, как и для Нади. Из сил выбивалась, доставала топливо, чтобы нато-

пить хату, — нельзя больной девушке лежать в холоде! Думала: «Присмотрю за дивчиной, верну ей здоровье и силу».

И только в этот день не устояла перед желанием Клавы, отпустила ее в город. Да и как не пустить, если все вокруг радуется, если вернулась жизнь, засияло солнце!

II

А город расцветал красными флагами. Их вывешивали на воротах, на фасадах домов, выставляли в окнах. На стене разрушенного здания местной газеты «Красный горняк» какой-то парнишка наспех написал: «Доблестной Красной Армии — освободительнице слава!» Шли танки, машины с бойцами и офицерами. Люди выносили из домов живые цветы и бросали их бойцам.

Центральная улица имени Карла Маркса шумела. По тротуарам нескончаемым потоком шли военные и штатские, старые и молодые. Ребятишки сновали в густой толпе и стайками выпархивали из-под ног. Где-то высоко в небе гудели самолеты, но их никто не боялся, — все знали, что это свои.

Надя и Клава, держась за руки, шли в толпе. Они с надеждой заглядывали в глаза каждому прохожему. Может, и в самом деле встретится Тарас? Почему бы ему не быть сейчас здесь, среди всех, на этом большом празднике?! Иногда Надя останавливалась и с тревогой в голосе обращалась к своей спутнице:

— Клава, ты веришь, что Тарас может быть здесь?

— А почему же нет? — отвечала подруга. — Может, и он ищет нас.

Когда город захватили немцы, Тарас не спрятался в погреб. Товарищи говорили, что ему надо скрыться, так как немцы особенно жестоко расправляются с комсомольцами. Но Тарас не послушал товарищей. Немцы позвали его восстанавливать полуразрушенный копер маленькой шахты «Южная», и он пошел на работу. Носил кирпич, песок, бетон. Правда, он работал не очень усердно, старался быть средним рабочим, не бросаться в глаза. Вернувшись домой после работы, он выслушивал горькие упреки Марии Степановны:

— Ты стыд, что ли, потерял, Тарас? У людей дети — кто с нашими уехал, кто из города удрал, а ты к немцам работать пошел! Надя ведь не работает. Разве и ты не мог бы что-нибудь придумать? Я из-за тебя целый день из хаты не выхожу, срам соседям в глаза взглянуть.

А потом начинала просить:

— Беги куда-нибудь, спрячься! Разве можно для врага шахту отстраивать?

Мать не знала, куда именно надо бежать, где прятаться, но сердцем чувствовала, что это сделать можно и нужно. Пусть уж она, старуха, дома сидит. А Тарас ведь молодой и сильный!

— Никуда я, мама, не убегу. Я работаю — это правда, но так надо.

— Нет, так не надо! — кричала старуха.

Могла ли старая мать предполагать, что листовки, появлявшиеся на стенах домов, — дело рук Тараса? Могла ли она думать, что эти листовки хранятся у Нади в погребе? И могла ли она знать, что убийство бургомистра Черногрива произошло при участии Тараса и что, наконец, взрыв, который должен разрушить в одну секунду все, что немцы строили месяцами, тоже готовится Тарасом?... Да и кто мог об этом знать, кроме нескольких человек, действовавших вместе с Тарасом! Листовки появлялись регулярно раз в неделю. Черногрива нашли в шурфе только через год после того, как закончилось его «царствование».

Однажды Тарас не пришел с работы, как обычно, в восемь вечера. Взволнованная Мария Степановна пошла к «Южной», но, не дойдя до нее, повернула обратно, — рабочих там не было. Стоял лишь немецкий часовой. Она бросилась к соседям, бегала из дома в дом, но никто ничего не мог ей сказать.

— Разве это удивительно? — сочувственно качали головами женщины. — Теперь люди неизвестно как пропадают.

Спать она не могла. В полночь тихо-тихо постучали в окно. Вошел Тарас — бледный, взволнованный, его серые глаза блестели при свете каганца.

— Вот теперь, мама, я уже сделаю, как ты советовала, — сказал он, невесело улыбнувшись. — И не думай про меня плохо. Если

кто-нибудь будет спрашивать про меня, свои или чужие, говори: не знаю. Не обижайся на меня, я делал все, что нужно было. И не волнуйся, — прижал ее седую голову к груди, поцеловал мокрые от слез щеки и пошел.

А перед рассветом жителей ближайших к шахте поселков разбудил страшной силы взрыв. Шахта «Южная», уже почти готовая к эксплуатации, взлетела на воздух. Тогда Марию Степановну осенила догадка: «Это он!...»

Надя пыталась отвлечь ее от тяжелых мыслей. Поздно ночью выходила из своего убежища, садилась рядом.

— Придет наш Тарас, мама, вернется. Если сказал, чтоб ждали, — будем ждать.

Прошел год, а Тарас не появлялся. Но они верили, что он жив и бьется с врагом.

«В самом деле, почему он не может быть здесь?» — думала Надя. Может, он сейчас, так же как она, жадно вглядывается в лица людей, ищет мать, Надю? Когда ж ему вернуться, если не сегодня, в день такого торжества!

А торжество, как вешние воды, затопило весь город. Люди шли нескончаемым пестрым потоком, волна за волной. Эти волны несли обеих девушек. Они то появлялись на главной улице и вместе со всеми громко приветствовали танкистов, пехотинцев, конников, проходивших без конца, словно их рождала сама земля; то останавливались возле импровизи-

рованных трибун, слушали ораторов; то заходили в дверь незнакомого дома и поздравляли жильцов с победой, с освобождением от фашистского рабства.

Возле серого четырехэтажного дома на улице Ленина собралось особенно много людей. С трудом протиснувшись сквозь толпу, девушки подошли поближе к дверям и увидели вывеску: «Исполком Криворожского городского совета депутатов трудящихся». Буквы еще блестели непросохшей краской.

Перед дверью исполкома стояла длинная очередь. Здесь были седобородые старики, женщины, девушки и парни.

Во время немецкой оккупации почти все прятались, редко виделись, и теперь у дверей исполкома даже дальние знакомые встречались как старые друзья, сердца которых полны одной радостью. Люди пришли сюда, чтобы получить назначение на работу. В толпе слышался смех, сыпались шутки. В воздухе стоял нестройный веселый гомон.

Надя узнала Михайла Сою, близкого соседа. Ожидая своей очереди, он возбужденно рассказывал о чем-то бледной молодежи и стучал о мерзлую землю сучковатым костылем.

— И вы, дедушка Михайло, здесь? — обрадовалась Надя. — А говорили, что вы ревматизмом болеете, не можете ходить.

— А где же мне быть, дочка? Конечно, здесь... Только ты не разглядела, как следует, — я еще совсем не дед. При немцах был дедом, — это правда. И ревматизмом болел,

и на сердце был слаб, — Михайло Соя хитро засмеялся, показывая темноватые от табака зубы, — а теперь я не дед, а парубок.

Он ткнул несколько раз своим костылем в землю и снова обратился к молодежи, продолжая прерванный рассказ:

— Так вот, вижу: наши уже огородами бегут со всех сторон. А один сопливый фриц притулился за моим погребом и бегаёт глазами, не знает, куда тикать. А, думаю, трясла б тебя лихорадка, сейчас я покажу тебе дорогу, что и ног с моего двора не унесешь! Подладился и вот этим костылем как огрею его по голове. Он только заревел, как бык, и ноги вытянул... Гей, куда, куда? — закричал вдруг дед на парня, который, воспользовавшись тем, что Соя увлекся беседой, хотел проскочить без очереди. — Моя очередь, голубчик. Дюже ты ловкий, как я полагаю!

Соя отстранил парня и скрылся за дверью.

— Здравствуй, советская власть! — торжественно обратился он к человеку в военной форме, без погонов, сидевшему за столом, покрытым красной скатертью.

— Здравствуйте, товарищ, — ответил тот, улыбаясь усталыми глазами.

— Давай, сын, работу.

Человек бросил на него острый, изучающий взгляд. Серое худое лицо, с окладистой пепельной бородой. Под засаленным куцым пиджаком — черная рубаха. Широкие, свиса-

ющие штаны и туфли, из которых выглядывают портянки. Худые жилистые руки мнут сучковатый костыль. «Наверно, немного силы осталось у деда», — подумал представитель горсовета.

— Дадим, дед, работу, — сказал он, — пойдете город от развалин расчищать. Сколько мусора тут развелось!

— Мусора много — это ты правду говоришь. Хозяева здесь были такие — чтоб их лихая година побила! И я не против чистых улиц, а только скажу тебе, что улицы убирать не пойду. Ты посмотри только на эти руки.

Он подошел к столу и вывернул руки ладонями кверху.

— Эти руки тридцать лет руду рубали. Понятно?

Сидевший за столом смутился. Он увидел грубые ладони, твердые, как сама руда.

— Вы горняк?

— Да, горняк! — гордо заявил старик. — Ну-ка открой дверь и спроси у народа, кто такой Михайло Соя? Каждый тебе скажет, что Михайло Соя до войны на весь рудник первый бурильщик был.

Неожиданно он перешел на интимно-дружеский тон и засмеялся.

— Немцы тоже про меня узнали. Ходили, искали, спрашивали: где Михайло Соя? Он нам, мол, все расскажет — где железная руда лежит и как ее можно взять. Да не только, мол, расскажет, а и силу свою приложит. Только где ж это видано, чтоб одни и

те же руки и на свою власть и на врагов работали? Не было такого и не будет. Не нашли фрицы Михайла Соя. — И он снова торжествующе засмеялся. — Не нашли — и точка!

— Значит, в шахту хотите?

— Другой дороги у меня нет — только в шахту. Вы меня на Кировский рудник пошлите. Там я начинал свою шахтерскую жизнь, там ее и кончать буду.

Он долго вертел в руках бумажку, полученную от работника горсовета, внимательно разглядывал штамп, словно не веря своим глазам. Ведь еще вчера он прятался в темных ямах, а сегодня стоит и свободно разговаривает с представителем советской власти и держит в руках бумажку, на которой стоят четыре буквы: СССР.

Михайло Соя так и не положил бумажку в карман, а нес ее перед собой, не спуская глаз со штампа.

III

— Клава! — Надя тянула подругу за рукав. — Идем ближе к трибуне, послушаем.

Но протиснуться было трудно, каждый хотел послушать ораторов, и люди тесной стеной обступили трибуну. Обрывки фраз, отдельные слова передавались из уст в уста, у людей на глазах были слезы — их не стыдились.

Клава дернула Надю за рукав.

— Смотри... Тарас!

Сердце у Нади сжалось. Она растерянно посмотрела по сторонам.

— Да куда же ты смотришь? На трибуну глянь. Честное слово, Тарас! Это ж он говорит!

С широко раскрытыми глазами на побледневшем лице Надя пошла вперед так легко, словно перед ней не было толпы. Может, в ее глазах люди видели радость, заливавшую ее сердце, может, на них подействовало ее решительное движение, — но все расступались и давали девушке дорогу. Она легко прошла к трибуне и тут встретила глазами с Тарасом.

В первое мгновение слова замерли у него на губах, потом он коротко вскрикнул:

— Надя! — Не закончив свою речь, парень в красноармейской одежде рванулся с трибуны, и все увидели, как брат и сестра обняли друг друга.

В несколько минут Тарас узнал обо всем, что произошло на руднике за время, пока его не было. Его поразила чрезвычайная бледность Клавы; когда же он узнал, что с ней случилось, стал уговаривать девушек немедленно идти домой. Наде хотелось, чтобы Тарас поскорее увиделся с матерью, но Клава просила:

— Еще, еще немножко побудем здесь...

Какая-то внутренняя сила держала Клаву на ногах. Она была в состоянии крайнего возбуждения, словно в ее груди горел животворный огонь, вливавший силу в ослабевшие мускулы, заставлявший кровь бежать быстрее.